

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 494–499

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 494–499

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-494-499>, EDN: JUHG5Y

Научная статья

УДК 061.251(44)|1773/1789|

Масонство в предреволюционной Франции (1773–1789 годы)

С. Е. Киясов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, sergeykiyasov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7474-8105>, AuthorID: 510777

Аннотация. В статье освещены события масонской истории в предреволюционной Франции. В центре внимания автора – становление национальных структур французского масонства. Отмечено участие правящей династии в процессе трансформации «английских» лож в структуры Великого Востока Франции. Охарактеризованы усилия масонских лидеров накануне Французской революции.

Ключевые слова: масонство, новое английское масонство, Бурбоны, Великий Восток Франции, Французская революция

Для цитирования: Киясов С. Е. Масонство в предреволюционной Франции (1773–1789 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 494–499. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-494-499>, EDN: JUHG5Y

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Freemasonry in pre-revolutionary France (1773–1789)

S. E. Kiyasov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergey E. Kiyasov, sergeykiyasov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7474-8105>, AuthorID: 510777

Abstract. The article examines the events of the Masonic history of pre-revolutionary France. The author focuses on the formation of national structures of French Freemasonry. The participation of the ruling dynasty in the process of transformation of the “English” lodges into the structures of the Grand Orient of France is noted. The efforts of Masonic leaders on the eve of the French revolution are characterized.

Keywords: Freemasonry, New English Freemasonry, Bourbons, Grand Orient of France, French revolution

For citation: Kiyasov S. E. Freemasonry in pre-revolutionary France (1773–1789). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 494–499 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-494-499>, EDN: JUHG5Y

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Рождение в Лондоне структур [1] и идеологии [2] «нового» масонства не осталось незамеченным во Франции. Особое внимание событиям, произошедшим в 1717–1723 гг., уделили философы-просветители, поскольку английские «вольные каменщики» изначально заявили о себе как сторонники свободомыслия, веротерпимости и демократических перемен в общественной жизни [3]. Деятельность этого интеллектуального сообщества, сменившего Орден розенкрейцеров, была подкреплена впечатляющими итогами Английской революции, подготовленной идеями Английского Просвещения, а также активной внешней пропагандой. Идеологи и адепты масонского движения стремились максимально быстро представить в странах Европы преимущества

собственного вероучения, отражавшего достоинства строя парламентской монархии, только что утвердившегося в Великобритании. Активную PR-компанию, начатую Великой ложей Лондона (1717) и продолженную Великой ложей Англии (1738), сопроводили масштабные политические катаклизмы. На первых местах в этом перечне – Война за независимость британских североамериканских колоний, которую возглавил и победоносно завершил масон-президент Джордж Вашингтон (1732–1799), и события Французской революции, в подготовке и совершении которой многие современники [4], а потом историки [5] подозревали масонов. Поэтому обращение к истории масонского движения во Франции кануна революции приобретает особое значение. Кро-

ме событийно-хронологического экскурса, оно призвано помочь ответить на важный, по-прежнему актуальный вопрос: можно ли обвинить «вольных каменщиков» в организации революций Нового времени?

Прежде, чем приступить к рассмотрению событий предреволюционного этапа становления и эволюции масонских структур Франции, следует, хотя бы кратко, охарактеризовать их предысторию. Ретроспективный обзор поможет более точно реконструировать идейные приоритеты французских масонских лож на пути к событиям кризиса 1788–1789 гг.

Во Франции ложи «вольных каменщиков» появились на исходе XVII в., за три десятилетия до создания первой Великой ложи. В эпицентре событий оказался Париж. Здесь масонские собрания были открыты англичанами-якобитами, сторонниками свергнутого в 1688 г. короля Якова II Стюарта. Оказавшись в эмиграции, эти люди не утратили интереса к уже привычному для себя эзотерическому культу, который по популярности превосходил знаменитые клубные собрания Лондона. Важно подчеркнуть, что якобиты оставались приверженцами традиций и обрядов «старого» масонства, появившегося в Англии в самом начале XVII столетия, в период правления Якова I Стюарта. По понятным политическим мотивам английские масоны, оказавшиеся во Франции, не поддержали собраний Братства, открытых в 1717 г. в Лондоне и объединивших сторонников новой Ганноверской династии. Таким образом, события «масонской реформации» 1688–1723 гг., происходившей в Англии и во Франции, сопровождалась политическим размежеванием, поскольку «старые» и «новые» братья находились по разную сторону фронта ожесточенных династических баталий и продолжавшейся гражданской войны. Приютившая этих людей Франция оказалась в эпицентре масонского противостояния не случайно, поскольку ее правящая династия была заинтересована в ослаблении Англии – своего главного противника и конкурента в Европе. Исходя из этих стратегических соображений, Париж охотно поддержал внутреннюю смуту в соседней стране, а также открыл границы королевства для английских политических мигрантов, среди которых оказались и масоны-якобиты [6, с. 294–308].

После 1723 г., завершившего процесс обновления масонства в послереволюционной Англии, борьба масонских течений (якобитского и ганноверского) во Франции не прекратилась [7, р. 65]. Необходимо выделить и прокомментировать наиболее важный момент этого малоизвестного идейно-политического противоборства. Если в Великобритании, на родине «нового» масонства, раскол в отношениях «старых» и «новых» масонов удалось смягчить, а затем и преодолеть, не допустив фатального размежевания национальной интеллектуальной

элиты, то во Франции все произошло с точностью до наоборот. Здесь апокалипсический, кризисный процесс разрушения Старого порядка состоялся без присутствия миротворческих усилий масонского Ордена, на что, не без оснований, рассчитывали его основатели, покровители и многие рядовые участники. В результате этих несбывшихся политических надежд, нацеленных на «строительство» идеального общества и государства, французское королевство в 1789 г. оказалось ввергнутым в состояние внутреннего хаоса. Лишь реформы Наполеона Бонапарта, опиравшегося на консолидированную поддержку французского имперского масонства, прервали затянувшийся кризис в стране и вернули ее в русло цивилизованного, вне революционного развития [7, р. 97].

Английские якобитские ложи сохраняли свое присутствие во Франции вплоть до начала 30-х гг. XVIII столетия. Их лидер – герцог Филипп Уортон (1698–1731), недавний гротескстер Великой ложи Лондона, смещенный в 1723 г. со своего поста за неправильную политическую ориентацию, по праву стал Великим мастером и в эмиграции [8, р. 463–464]. Однако поражение Стюартов в битве за реставрацию своей власти в Великобритании вынудило «старых» масонов отказаться от оппозиционных настроений. Якобитские ложи во Франции провозгласили новый статус, не связанный с политикой. Их лидеры (Ч. Рэдклиф, Дж. Маклин) инициировали рождение «Шотландского Обряда», который самим названием напоминал о мирных временах правления Якова Стюарта, первого англо-шотландского монарха. Кроме этого, приверженцы нового Обряда выступили сторонниками не ремесленного, а рыцарского (тамплиерского) происхождения Братства, провозглашенного в 1736 г. британским масоном-реформатором Майклом Рэмси (1686–1743). После разрыва с политикой «старые» масонские ложи во Франции стали доступны не только английским роялистам-эмигрантам, но и самим французам, которые также увлеклись новомодной эзотерикой. Впрочем, несмотря на состоявшуюся переориентацию, якобитские масонские вожди во Франции быстро утратили влияние, уступив его лидерам Великой ложи Англии. Условной датой наступивших для французских масонов перемен можно считать 1721 г., когда состоялось открытие первой регулярной «английской» ложи в Дюнкерке. В последующее десятилетие волна масонской экспансии захватила другие французские города и, наконец, достигла Парижа.

Летом 1735 г. в столицу Франции прибыл Джон Теофил Дезагюлье (1683–1744). Этот протестантский пастор и член научного Королевского общества в Оксфорде был известен как один из создателей Великой ложи Лондона. В Париже влиятельный заграничный мэтр,

друг французского философа-просветителя Шарля Луи де Монтескье (1689–1755), принял участие в открытии двух лож [7, р. 69–70]. Отметим, что французская фамилия и частые посещения этим человеком Франции не были случайностью. Дезагюлье родился в Ла-Рошели в семье гугенота, которая покинула родину после отмены королем Людовиком XIV Нантского эдикта (1685). Дружеские отношения Монтескье и Дезагюлье свидетельствуют о том, что распространение во Франции обновленного масонства было подготовлено консолидированными, тщательно согласованными усилиями интеллектуалов двух стран – Великобритании и Франции, явно не признававшими разделяющую их границу. Кстати, столь ощутимых результатов так и не смогли добиться те британские масоны, которые оказались на территории Франции, но оставались сторонниками англо-шотландских Стюартов. В скором времени регулярные масонские ложи появились в других городах королевства: Бордо, Лионе, Руане, Нанте, Авиньоне, Марселе, Тулузе [7, р. 69].

Широкое распространение регулярного английского масонства во Франции актуализировало вопрос его трансформации в национальное, подконтрольное властям. Тем более, что отношения двух стран, особенно после завершения неудачной для Франции войны за Испанское наследство (1701–1714), пребывали в состоянии перманентного кризиса. В 1738 г. в Люневиле (Лотарингия) Великим мастером французских масонов был впервые избран представитель местной аристократии. Им стал герцог Луи д'Антен, внук Луи Антуана де Пардайан де Гондрена, первого герцога д'Антена (1665–1736). Небезынтересно, что старый герцог д'Антен был сыном маркизы де Монтеспан – знаменитой фаворитки короля Людовика XIV. Состоявшееся событие знаменовало собой завершение полувековой эпохи главенства англичан (якобитов и ганноверцев) в масонском движении Франции [8]. В 1743 г. на волне торжества национальных приоритетов масонский Орден Франции возглавил первый «принц крови», представитель правящей династии Луи де Бурбон-Конде, граф Клермонский (1709–1771). После его избрания деятельность «вольных каменщиков» предреволюционной Франции фактически и юридически перешла под контроль правящей династии. Члены королевской фамилии блокировали все попытки со стороны Ватикана и других недоброжелателей добиться роспуска масонского Ордена во Франции. Последним принципиальным противником французских «вольных каменщиков» был кардинал Андре-Эркуль де Флёр (1653–1743), всесильный глава правительства короля Людовика XV [7, р. 69–76].

После избрания на пост гроссмейстера высочородного аристократа во Франции был утвержден собственный кодекс масонских законов. Он сохранил название Великой Английской ложи

Франции и признал три символические степени – Ученика, Подмастерья, Мастера [9, с. 182]. «Высокие» градусы посвящения были отклонены в целях максимальной подконтрольности масонских собраний в стране. Кроме этого, для всех французских масонских лож признавался приоритет католицизма, а также оговаривалась лояльность этих структур властям. Следуя примеру законопослушных собратьев Великобритании, французские «вольные каменщики» предпочитали не сопровождать свои заседания модными просветительскими призывами к ликвидации социального неравенства, а также требованиями отменить сословные привилегии. Все заявления об устремленности к равенству, изначально зафиксированные в «Конституции» Джеймса Андерсона [3, р. 53], оказались не более, чем общими декларациями. Их успешно нейтрализовали социальные реалии, по-прежнему разделявшие английский и французский социумы [10, с. 325]. Впрочем, обозначившиеся противоречия не препятствовали «демократическим» заседаниям масонских лож, которые, как во Франции, так и в Великобритании, объединяли самые разные слои населения: аристократов, священников, военных, литераторов, буржуа [11, р. 174–175].

Лояльность и миролюбие национального масонского Братства подвигали правящую элиту Франции к взаимовыгодному с ним сотрудничеству. К тому же местные масонские собрания, как и в Великобритании, быстро приобрели характер узаконенного государством общественного института, который следовало не подвергать нападкам, а полностью подчинить и сделать максимально полезным власти. Исходя из этой стратегии, существование во Франции структур старой Великой Английской ложи становилось неуместным. Следовало как можно быстрее устранить возникший организационный казус. В 1771 г. после смерти графа Клермонского кресло Великого мастера занял очередной «принц крови», на сей раз кузен короля Людовика XVI – Луи Филипп, герцог Шартрский и Орлеанский (1747–1793). Его усилиями в 1772 г. во Франции состоялось рождение Великой Национальной Ложи Франции [7, р. 76]. Реформы были успешно продолжены, и в 1773 г. сторонники влиятельного лидера провозгласили создание нового масонского союза – Великого Востока Франции. Сам же герцог был наделен титулом Великого Мастера Ордена Франк-Масонов Франции [7, р. 76]. Все решения утвердило собрание уполномоченных делегатов масонских лож, собравшихся в Париже. Их форум продолжался несколько месяцев и получил название «Национального собрания», как и революционный законодательный орган, заменивший в июне – июле 1789 г. королевские Генеральные штаты. Новый масонский обряд сохранил три степени посвящения и санкционировал доступ в ложи женщинам. Отметим активное участие в этих событиях представителя

России – графа Александра Сергеевича Строганова (1733–1811). В частности, русский масон был включен в состав руководства Великого Востока и осуществлял работу по редактированию важнейших уставных документов французского Обряда.

В последующее десятилетие во Франции предпринимались попытки унифицировать и присоединить к Великому Востоку все масонские Обряды [7, р. 76–80]. К таким действиям национальные масонские власти подвиг небезопасный для государства факт появления и работы в стране иностранных структур «вольных каменщиков», особенно прусских [7, р. 76–80]. Для решения возникшей проблемы усилиями масона-реформатора А. Л. Реттье де Монтало (1748–1808) в Париже были образованы Великий Генеральный Капитул и Палата Степеней (1785). Через год Великий Восток Франции узаконил единый «французский ритуал», который состоял из трех символических степеней (уже упоминавшихся) и четырех новых: Избранника, Шотландца, Рыцаря Востока и Рыцаря Розенкрейцера [12]. Однако полностью преодолеть раскол в масонских структурах предреволюционной Франции так и не удалось. Лишь в период существования империи Наполеона Бонапарта Великий Восток Франции, подкрепленный ритуалами Древнего и Принятого Шотландского Обряда, завезенными из США масоном-реформатором, графом А. Ф. де Грасс-Тилли (1765–1845), сумел добиться первенствующих позиций [11, с. 407–421].

Благоприятная, мирная ситуация, установившаяся в отношениях французских властей и национального масонства, была нарушена новым идеологическим расколом. Незадолго до революции некоторые масонские ложи Франции, ранее полностью подконтрольные правящей династии и Великому Востоку, открыли сотрудничество с автономными просветительскими сообществами: салонами, клубами, музеями [12, р. 9]. Участники этих интеллектуальных ассоциаций, как и масоны, не являлись политическими заговорщиками, но в силу специфики своей деятельности пребывали в оппозиции властям. Правящая династия, изыскивая компромиссные решения в ситуации кризиса, вынужденно легализовала такие собрания. Независимо от этого масонские структуры, которые придерживались ортодоксальных идейных позиций, сохраняли большинство. Накануне 1789 г. во Франции насчитывалось 650 масонских лож, объединявших 35 тыс. чел. [12, р. 16]. Столь внушительные количественные показатели заставляют вернуться к версии аббата О. Баррюэля и других конспирологов, обвинивших масонов в подготовке революционного взрыва во Франции, и привести собственные контраргументы. Несмотря на свою многочисленность и широкую географию распространения, масоны, как и упомянутые просве-

дательские сообщества, не имели возможности участвовать в масштабном политическом заговоре по причине наличия в стране действенного полицейского контроля. К тому же к масонскому Ордену были приближены представители правящей династии, главы знатных дворянских родов, а также буржуазные верхи и влиятельные духовные лица, которые – в совокупности – не были заинтересованы в подготовке радикального государственного переворота [10, с. 151]. С учетом этого немаловажного обстоятельства имеет право на существование альтернативное, внеконспирологическое объяснение феномена и роли французского предреволюционного масонского движения. Во всяком случае большинство специалистов в области истории Французской революции – разных стран и разных идейных убеждений – утверждают, что Старый порядок изжил себя объективно, т. е., экономически, социально и политически [13]. Непредвзятый же анализ конспирологических версий участия масонских лож в революционных событиях позволяет утверждать, что они заявили о себе не как организаторы, а как структуры, отражающие умеренные взгляды зарождающейся либеральной оппозиции. Такие умонастроения стали наиболее ярким свидетельством растущего в обществе неприятия внутренней политики французского абсолютизма, который полностью дискредитировал провозглашенные в Европе идеалы просвещенной монархии. Важно также отметить, что никто из масонских лидеров Франции не был сторонником революционного переворота, тем более, нацеленного на физическое истребление правящей династии. Яркое тому подтверждение – деятельность одного из политических лидеров начального этапа революционных событий, маркиза и «вольного каменщика» Мари-Жозефа Лафайета (1757–1834), сторонника законного утверждения во Франции институтов конституционной монархии. Показательно, что критиком «преступлений и ужасов» Французской революции был американский масон и политик Томас Джефферсон [10, с. 309]. Разумеется, существовали и антиподы таких настроений. Известно, что участниками масонского движения предреволюционной Франции являлись Жан-Поль Марат и Максимилиан Робеспьер, т. е. будущие радикалы-якобинцы. Однако столь значимые расхождения в области политических воззрений в среде «вольных каменщиков» предреволюционной Франции доказывают, скорее, не наличие «масонского заговора», а его отсутствие [10, с. 334–335].

В конечном итоге ведущую оппозиционную роль во Франции сыграли не провластные масонские структуры, а проникшие в них философы-просветители. Известно, что в Париже с 1766 г. действовала просветительская масонская ложа «Наук» (в будущем – ложа «Девяти

сестер»), созданная усилиями известного французского литератора и философа Клода Адриана Гельвеция (1715–1771). В ее списках значились Ф. Вольтер, А. Кондорсе, Ж. Дантон, Э. Сийес, К. Демулен – активные участники политической жизни предреволюционной и революционной Франции. Среди других, не менее влиятельных представителей масонско-просветительской элиты Франции, выделяются персоны П. Гольбаха, Ж. Л. д'Аламбера, а также представители «младшего поколения» французских просветителей: С. Марешаля, Л. С. Мерсье, Н. Ретифа де ля Бретона. Небезынтересно, что ложа «Девяти сестер» входила в систему придворного Великого Востока Франции [8, р. 566]. Накануне революции это был исключительно формальный союз. Столичные интеллектуалы-оппозиционеры вряд ли могли надеяться на результативные контакты с масонской элитой, которая фрондировала против Людовика XVI и преследовала собственные цели.

Об итоговой разрозненности и, следовательно, ослаблении влияния масонских структур свидетельствует наличие в Париже, а также в некоторых других городах Франции, внесистемных, «интеллектуальных» лож. Такие структуры появились, в частности, в Тулузе и Бордо [10, с. 271]. Попытки «усмирить» независимость провинциальных масонских центров предпринял герцог Ф. Орлеанский, но они не увенчались успехом [14, р. 151]. Французский историк Жоэль Кутюрá пишет о прогрессивной форме эманации таких «вольных каменщиков», которые вышли за пределы своей мистической деятельности, отвергли формальную принадлежность к различным масонским системам и чувствовали себя самостоятельными участниками общественной жизни [14, р. 162]. Подобным настроениям способствовали произошедшие изменения социального состава большинства масонских лож. Накануне революции в них уже преобладали представители «третьего сословия», а аристократы, священники не превышали четверти состава [14, р. 164].

Появлению масонско-просветительских собраний способствовали также аристократические форумы «вольных каменщиков» Парижа, погрязшие в склоках и бессмысленных дискуссиях. Не случайно список «просветительских» масонских структур продолжал пополняться. Так, в Париже к ложе «Девяти сестер» присоединилось «Олимпийское Общество» [15, р. 135]. Членами этого популярного масонского собрания стали К.-А. де Сен-Симон, в будущем – философ и писатель-утопист; маркиз Ф. К. де Буйе – эмигрант и контрреволюционер; граф А. де Ферзен – один из организаторов неудавшегося бегства французского короля Людовика XVI из страны [10, с. 272]. Без сомнения, такие масонские ложи, даже формально лояльные властям, угрожали обществу идейной дестабилизацией. Однако,

как показали последующие события, революция явно застала врасплох и власть, и ее увеличивающихся в численности критиков [10, с. 324].

После своего зарождения и обретения национального характера масонское движение во Франции приобрело самое широкое распространение. По количественным показателям – число лож и адептов – французские «вольные каменщики» заметно опережали своих наставников – английских масонов. В процессе трансформации зарубежных масонских структур в национальные активное участие принимали представители правящей династии: Л. де Бурбон-Конде, граф Клермонский и Л. Ф., герцог Шартрский и Орлеанский. Весомый вклад в развитие масонской обрядовой культуры на территории Франции внесли зарубежные и местные масоны-реформаторы: Ф. Уортон, Ч. Рэдклиф, Д. Т. Дезагюлье, А. С. Строганов, А. Ф. де Грасс-Тилли, А. Л. Реттье де Монтало. Идеология французского масонского Братства корректировалась усилиями видных деятелей Просвещения: Ш. Л. де Монтескье, К. А. Гельвеция, П. Гольбаха, Ж. Л. д'Аламбера, Ж. А. Кондорсе.

Несмотря на содействие со стороны правящей элиты, заинтересованной в подконтрольном распространении лояльного масонского сообщества во Франции, местные «вольные каменщики» в отличие от Великобритании не сумели консолидироваться. Их структуры не участвовали в революционном заговоре против властей, но и не смогли оказать ей поддержку из-за идейной разобщенности. Отсутствие единства французского масонства, а также отход его «просветительской фракции» от провластной ортодоксии «английского масонства» способствовали углублению кризиса французского абсолютизма и последующему насильственному разрушению Старого порядка.

Список литературы

1. Calvert A. F. The Grand Lodge of England. London : Herbert Jenkins Limited, 1917. 412 p.
2. The Constitutions of the Free-Masons. Containing the History, Charges, Regulations, &c. of that most Ancient and Right Worshipful Fraternity. For the Use of the Lodges. London : Printed by William Hunter, for John Senex at the Globe, and John Hooke at the Flower-de-luce over-against St. Dunstan's Church, in Fleet-street, 1723. 91 p.
3. Weisberger R. W. Speculative freemasonry and the Enlightenment. A study of the craft in London, Paris, Prague and Vienna. New York : East European monographs, Boulder. Distributed by Columbia University Press, 1993. 243 p.
4. Киясов С. Е. Аббат О. Баррюэль о причинах и организаторах Французской революции // Вестник Волгоградского университета. Новая серия. 2017. История. Международные отношения. Регионоведение. 2017. Т. 22, № 6. С. 46–56.

5. *Martin G.* La Franc-Maçonnerie française et la préparation de la Révolution. Paris : PUF, 1926. 294 p.
6. *Егоров А. А.* История Англии: учебник : в 2 ч. Ч. 2 : Англия в новое время. XVII век. Ростов н/Д ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2018–2021. 390 с.
7. *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie. Paris : Office du Livre, 1987. 251 p.
8. Dictionnaire de la Franc-Maçonnerie publié sous la direction. Paris : PUF, 1987. 1301 p.
9. *Уайт А. Э.* Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных таинств: их ритуалов, литературы и истории. СПб. : Лань, 2003. 480 с.
10. *Киясов С. Е.* Массонство в эпоху Просвещения (генезис, идеология, эволюция, статус). СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 398 с.
11. *Agulhon M.* Pénitents et Francs-Maçons de l'ancienne Provence. Paris : Fayard, 1984. 454 p.
12. *Halévi R.* Les loges maçonniques dans la France d'ancien régime aux origines de la sociabilité démocratique. Paris : Colin, 1984. 118 p.
13. *Олар А.* Политическая история французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики. 1789–1804 / пер. с фр. Н. Кончевской. М. : Гос. соц.-эконом. изд-во, 1938. 979 с.
14. *Coutura J.* Le Musée de Bordeaux // Dix-huitième siècle. La Franc-Maçonnerie / Revue annuelle publié par la Société française d'Étude du XVIII siècle. № 19. Paris : Prix Le Monde de la Recherche universaire, 1987. P. 149–164.
15. *Chevallier P.* Nouvelles lumières sur la société Olympique // Dix-huitième siècle. La Franc-Maçonnerie / Revue annuelle publié par la Société française d'Étude du XVIII siècle. № 19. Paris : Prix Le Monde de la Recherche universaire, 1987. P. 135–147.

Поступила в редакцию 06.05.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 06.05.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 28.06.2024